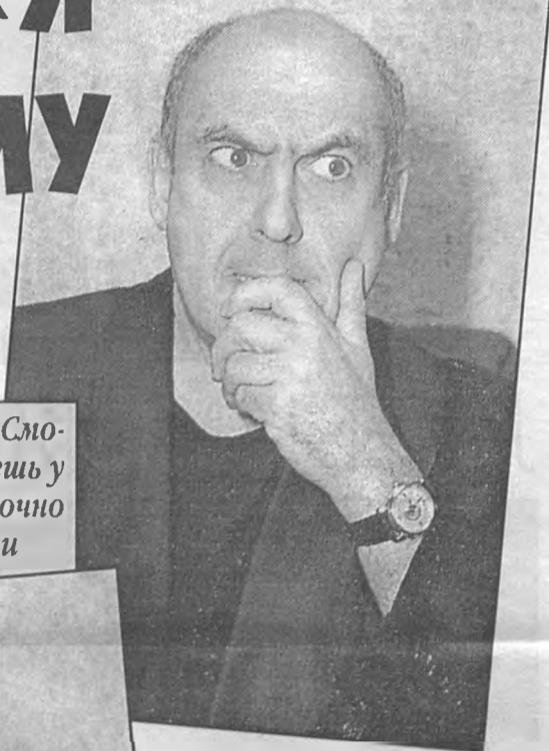


Ян Арлазоров: «Я

ПО-ПРЕЖНЕМУ ХОЛОСТЯК»



Давно уже крылатыми стали слова: «Музык, а музык! Смотри, у тебя лысина так и светится. Прямо горит! Будешь у нас задним фонарем, ладно?» Сейчас уж невозможно точно сказать — из репертуара Яна Арлазорова эта фраза или ее ему приписали в народе.

Но то, что этого «музыка» все знают, — факт неоспоримый.



— Скажите, вы с детства почувствовали себя актером?

— В московской школе, где я учился, был свой театр. Там я играл, что-то сочинял, импровизировал. Мои родители к искусству никакого отношения не имеют. Отец — юрист, мать — врач, брат занимается математикой. Меня готовили в медицинский институт. Поэтому родители, узнав о моем решении поступать в театральное училище, естественно, стали отговаривать от этого безумного, как они говорили, поступка. Но я их не послушал. После училища работал в Центральном детском театре, откуда ушел в Театр имени Моссовета. В материальном плане было очень тяжело. Когда я женился и родилась Алена, помню, бегал по всем елкам, соглашался на любую халтуру, подрабатывал. Это сейчас можно сняться в рекламе или присосаться к какому-нибудь спонсору, который будет тебе наливать бак в бензин. Тогда этого не было.

— Кстати, почему вы не снимаетесь в рекламе?

— В рекламе я соглашусь сниматься только тогда, когда мне предложат за эту работу 2,5 миллиона долларов.

— Чего вам недостает в жизни?

— Пожалуй, любви и спокойствия, все остальное считаю проходящим.

— Вы по-прежнему холостяк?

— По-прежнему. Но ничего конкретного по этому поводу говорить не буду.

— Ян, почему вы ушли из Театра имени Моссовета, где проработали около тридцати лет?

— Я там проработал гораздо больше. Почему ушел? Неужели не ясно, что артист — это как ребенок, которому хочется, чтобы его постоянно гладили по голове и говорили, что он самый талантливый, самый лучший? Я же восемь лет играл в аншлаговом спектакле, зрители шли именно на меня, Арлазорова, но в театре этого словно не замечали. Сначала на афише писали фамилии только главных исполнителей, я же был в числе «и др.». Было очень обидно, но возникать не собирался. Потом, когда театральное руководство поняло, что меня можно использовать в качестве приманки, то поспешило это сделать. И уже аршинными буквами на афише писали мое имя. За все годы службы в театре я не получил от него ничего: ни других ролей, ни квартиры, ни звания. Хотя никакого звания мне и не нужно. Нет его на Западе. Никто не собирается называть, к примеру, Бельмондо или Челентано народными артистами. Так что в конце концов из театра меня ушли.

— С чьей легкой руки вы попали на эстраду?

— Это памятная страница в моей творческой биографии. На капустнике,

посвященном юбилею Ростислава Яновича Плятта, я показал смешную пародию на кинопанораму. После праздничного вечера ко мне подошел Леонид Осипович Утесов и предложил позвонить ему домой. Естественно, я этого не сделал, потому что мне и в голову не могло прийти, что моя персона может заинтересовать великого артиста. Но однажды Утесов позвонил мне сам и пригласил к себе домой. Никогда не забуду, как он меня принял: даже малейшего намека на какую бы то ни было звездность у него не было. Со мной, по сути мальчишкой, разговаривал на равных интеллигентнейший человек. Именно Леонид Осипович предложил мне принять участие в шестом Всесоюзном конкурсе артистов эстрады, председателем жюри которого был сам Аркадий Исаакович Райкин. Я стал его лауреатом. Вот так все и началось.

— Ваш «мужик» в свое время побил все рекорды эстрадной популярности. Не думаете возвратиться к этому образу?

— Пока я своего «мужика» на эстраду не «вывожу». Просто хочется попробовать чего-то другого, как театральный актер не держусь за одну маску. Хотя, с другой стороны, именно «мужик» принес мне сумасшедшую популярность. Зал обычно на мои слова: «Мужик, а мужик, свистеть умеешь? Ага! Будешь чайником...» взрывался хохотом и аплодисментами. На улицах, когда меня видели, оставались машины, и я слышал вслед: «Вон «мужик» пошел, или поехал...» У эстрадного артиста обязательно должен быть свой образ. Гена Хазанов, к примеру,

ассоциируется со студентом кулинарного техникума, артисты Тонков и Владимиров запомнились по маскам Вероники Маврикиевны и Авдотьи Никитичны...

— У публики не было обиды на то, что ваш «мужик» с ней так запанибрата?

— Дураки, наверное, обижались. Но мой «мужик» ведь человек не злой, он добродушный, ужасный придумщик, с ним нескучно. Я подчиняюсь зрителям, которые его отождествляют со мной, веду с ними веселую игру.

— Не жалуете, что ушли из популярного «Аншлага»?

— Свое дело в становлении этой передачи я сделал. А, как говорится, мавр сделал свое дело и может уходить. Я и ушел. Видите ли, я стараюсь придерживаться принципа, которым руководствуются шахматисты: жертвуй фигурой, выигрывай качество.

— Как вы стали ведущим передачи «Авторadio»?

— Пригласили. Радиопередача очень скоро стала по-сумасшедшему популярной. В моей программе не было конкретной темы, были только просьбы и предложения слушателей. Мне нравится помогать людям, и там я чувствовал результативность своей деятельности.

— Так почему же вы ушли из «Авторadio»?

— Не я ушел, меня ушли. И не могу сказать почему. Я бы с большим удовольствием продолжил работу ведущего этой радиопередачи.

— Солные концерты от артиста требуют хорошей физической подготовки.

— Так я же спортсмен с большим стажем. Когда-то был даже кандидатом в мастера по плаванию, играл в большой теннис. Сейчас поддерживаю физическую форму за счет занятий йогой. У меня девиз: «Трудно в учении — легко в бою». Занимаюсь в основном на природе, в лесу, на даче.

— Ян, а в жизни вы какой человек?

— Очень сложный. У меня нет друзей, со мной трудно общаться, так что я все же рубаха-парень. Предпочитаю одиночество, люблю лежать на диване и размышлять, анализировать. Одно время увлекался Востоком, его мудрость меня поражает и удивляет: «Меньше читай — больше думай». Эти слова люблю про себя повторять. Еще могу сказать, что я плохо защищен от хамства, наглости, жестокости, пасую перед ними и долго прихожу в себя.

Беседовал Леонид ГУРЕВИЧ